

Идея Россіи и формы ея раскрытія

(Отвѣтъ на анкету Переволуціоннаго Клуба)

Переволуціонный клуб обратился к ряду русских писателей и ученых, в том числѣ и ко мнѣ, с просьбой дать хотя бы краткіе отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1) Считаете ли Вы, что всякій великій народ имѣет нѣкую историческую миссію, свою національно-историческую идею?

2) Как, по Вашему мнѣнію, правильнѣе всего формулировать россійскую національно-историческую идею?

3) Какова должна быть ея «проекція на дѣйствительность» — государственную и социальную — переволуціонной Россіи?

Понятіе идеи непрестанно мѣнялось в исторіи человѣческой мысли. В своих размышленіях я исхожу из пониманія идеи как Божьяго замысла о сущностях вещей, людей, времен и народов. Так как весь мір замышлен Богом, а не кѣм-либо иным, то необходимо признать, что всѣ народы, великіе и малые, таят в себѣ свои идеи, как бы сокровенныя духовныя зерна, из которых растет и развивается душевно-физическая плоть народа; становится и слагается его судьба.

Сомнѣваться в величій русскаго народа, с особенною глубиною философскаго и художественнаго раздумья мучившагося над вопросами своей сущности и судьбы, русским людям не приходится. Ясно, что у него есть своя великая идея и своя трудная миссія. Двух отвѣтов на первый вопрос, по-моему, быть не может.

Иначе обстоит дѣло со вторым вопросом: «Как правильнѣе всего формулировать россійскую національно-историческую идею?». Первое, что хочется отвѣтить на этот вопрос — это:

не надо; не надо формулировать идеи. Идея, как я только что сказал, это зерно, это «путь зерна», это органический рост и цвѣтеніе, нѣчто изнутри каждому, причастному идеѣ въдомое, но одновременно тайное, сокровенное, а потому и неизреченное. Француз ощущает француза, русскій — русскаго как своего, но как сформулировать сущность русскаго человѣка? Можно указать: русскіе люди — это Татьяна Ларина и Максим Максимович, Обломов и Облонскій; Платон Каратаев и Дмитрій Карамазов, — но, въдь, это имена, а не формулы.

Я понимаю, что не отвѣчаю на поставленный мнѣ вопрос, а сопротивляюсь отвѣту. Но я увѣрен, что без внутренняго сопротивления отвлеченному раскрытію русской идеи обязательно переусердствуешь в ея формулировкѣ; а это весьма опасно не только для теоріи, но и для политической практики. Постараюсь уточнить и хотя бы кратко развить свою мысль.

Идея народа есть, согласно вышесказанному, образ Божьяго замысла о народѣ. Эта идея может жить в народѣ или безсознательно, сокровенно, или сознательно, в формѣ рационально раскрытой и упроченной миссіанской исторіософіи. Против теоретическаго раскрытія идеи, поскольку оно не искажает ея, имѣть ничего нельзя. Но надо твердо знать и неустанно помнить, что в процессѣ теоретическаго раскрытія идеи отвлеченно формулирующей разум легко отрывается от ея живой конкретности, что неизмѣнно приводит к подмѣнѣ Божьяго замысла о мѣрѣ (т.-е. идеи) произвольными домыслами и выдумками о нем (т.-е. идеологіями).

Я не скажу ничего новаго, а лишь по новому повторю старое, если, исходя от противоположенія идеи и идеологіи, «сформулирую»: идея и миссія Россіи заключается в том, чтобы стоять на стражѣ религіозно-реальной идеи и всюду и вездѣ, гдѣ только можно, вести борьбу против ея идеологических искаженій.

Против такого отвѣта на второй вопрос, против такой формулировки русской идеи возможно, как мнѣ кажется, только одно возраженіе: что она слишком широка, что в соответствующих вариантах она примѣнима ко всѣм націям, ко всѣм народам и даже к отдѣльным мыслителям, художникам, ученым.

На первый взгляд такое возраженіе кажется вѣрным, но оно кажется вѣрным опять-таки только потому, что идея, сокращенная зиждательница народной жизни, не уловима в отвлеченной формулѣ. Ея раскрытіе требует не формул, а тщательной живописи историческаго пути и лица Россіи. Дать хотя бы набросок такого портрета на нѣскольких страницах отвѣтнаго письма, конечно, невозможно, но, быть может, до моих вопрошателей дойдет моя основная мысль, если я укажу на то, что Божій замысел о Россіи, т.-е. идея Россіи, мнѣ представляется весьма существенно ознаменованной тѣм, что православная церковь была, в противоположность католической и протестантской, прежде всего призвана к ревностному блюденію образа Христа и опыта христіанства, зачастую в ущерб богословскому и религиозно-философскому углубленію в проблемы христіанства; что Россія не была в своих нѣдрах столь глубоко взволнована реформаціей и возрожденіем, просвѣщенством и индивидуализмом, как Запад, почему и осталась мыслью и жизнью вѣрна своему убѣжденію, что «высшая идея есть единство всѣх идей». Все подлинное, глубокое и органическое русское творчество, как философское, так и художественное, запечатлѣно этой идеей, откуда дѣйственность и жизненность даже и слабых, даже и малооригинальных русских мыслей. Чѣм дольше живешь в Европѣ и чѣм глубже проникаешь в ея культуру, тѣм яснѣе становится, быть может, единственное преимущество русскаго человѣка: его первичность и настоящность. Европейцы послѣдних десятилѣтій, включая и нѣмцев, которых католики-латиняне считают восточными варварами, люди совсѣм другого склада, лишь в рѣдких случаях отмѣченные этой настоящностью. В их зрѣлой, тонкой, точной, всеохватывающей мысли, в их художественном воспріятіи міра и в их искусствѣ, в их соціальных инстинктах и даже просто человѣческих отношеніях очень много вторичнаго, производнаго, отраженнаго, мыслей от всѣх тѣх мыслей, что уже были продуманы человѣчеством, искусства от пантеона искусств, соціальных форм от общественно-политических теорій, человѣческих чувств от очень большого, хотя и мало осознаваемого одиночества. Вся культура Запада — культура

обратного пути: не первичного восхождения идеи к жизни, а вторичного нисхождения идеологии в жизнь. Этим стилем западно-европейской культуры, связанным, быть может, с ее зрелостью и древностью, и объясняется некоторая ненастоящность высококачественной западно-европейской души и почти полное отсутствие на Западе людей типа русских «самородков». Оба понятия тѣсно связаны между собою. Чтобы вырасти в настоящего человека, человеку необходимо расти из глубины, из своей собственной идеи, неподатливой на соблазны идеологических выдумок, неустанно преслѣдующих современного человека на всѣх его путях.

Я, конечно, ни на минуту не забываю подстерегающей всѣ мои размышления опасности; не забываю того, что сейчас нѣтъ в мирѣ страны, до такой степени охваченной, опутанной и пропизанной беспочвенными выдумками, как Совѣтская Россія, гдѣ попораны и преданы всѣ первичныя идеи, гдѣ уничтожена всякая возможность самозарождения личности, гдѣ все сорвано со своих мѣст и устоев, гдѣ в результатѣ дикаго идеологическаго запора страна вот уже 15 лѣтъ бьется в бреду рационалистическаго утопизма. Все это так; все это я прекрасно знаю, а помю и понимаю, до чего трудно защитима моя формула, что идея Россіи заключается в защитѣ Божьих замыслов (идей) от человѣческих выдумок (идеологій) и в блюденіи себя, как главной твердыни на фронтѣ идей. Перед лицом большевицкой дѣйствительности иностранцам и западнически настроенным русским скептикам такое пониманіе сущности русской идеи не может не казаться непростительной идеологической выдумкой. Но, вѣдь, я не к иностранцам обращаюсь и даже не к русским западнически настроенным скептикам, а к представителям національной пореволюціонной молодежи. Ей, думается, как и мнѣ, должно быть ясно, что факт большевизма моего пониманія русской идеи не оспаривает. Во-первых, потому, что большевизм не русская правда, а русскій грѣх, — и это очень важно, — потому что Россія даже и в большевизмѣ, даже и в измѣнѣ своей идеѣ, в извѣстном смыслѣ, осталась вѣрна себѣ. Знаком этой вѣрности «от противнаго» являются страстность ее саморазрушенія, безоглядность ее идеологизма и неопикуемость ее

страдания. Попасть на путях вѣры в разум, науку, технику и организацию в такое безвыходное положеніе, в какое попала Россія, только и могла страна, рожденная не для того пути, на который свернула. Так и большевизм свидѣтельствуеет все о том же: о том, что идея Россіи в блюденіи Божьяго замысла о мірѣ и лика Его в каждом человѣческом сердцѣ. Это старо, но вѣрно.

Христіанская культура Европы находится сейчас в очень критическом состояніи. Ея отточенная мысль, ея глубокая наука, ея изумительная техника, всѣ формы ея политической и соціальной жизни, все это с головокружительной быстротой передается (в смыслѣ цивилизаціоннаго процесса) болѣе молодым и энергичным народам, настроенным далеко не всегда дружелюбно к старой Европѣ. Для міроваго духовнаго и политическаго положенія сейчас весьма характерно возстаніе вооруженных европейской цивилизаціей народов на душу Европы. Прекрасно видя это, Шпенглер в качествѣ выхода предлагает европейцам римски-героическую позу презрѣнія к жизни и пріятія смерти. Выход вѣдше эффектный, но внутренне, конечно, пустой; в сущности, вообще не выход. Подлинный и единственный выход — в другом: в углубленіи христіанской памяти европейской культуры, в творческом оживленіи ея христіанских корней. На этих путях Россія, попавшая в такой страшный тупик безбожной выдумки и отвлеченнаго идеологизма, и может и должна еще сказать свое слово.

Перехожу к третьему вопросу, к вопросу о прозрѣніи русской идеи на государственную и соціальную дѣйствительность пореволюціонной Россіи. И тут наиболѣе важным представляется мнѣ воздержаніе от идеологически отвлеченнаго прожектерства. Если идея Россіи в защитѣ идеи от идеологій, то ясно, что она не может быть раскрыта на тѣх идеологических путях, на которых сейчас гибнет христіанская душа Европы, и с которых она должна сойти, чтобы спастись. Думаю, что нам в этом отношеніи необходимо стать гораздо болѣе трезвыми, чѣм были наши предшественники — славянофилы. Москва — третій Рим, община — первоячейка соціальнаго христіанства, Россія — тре-

тя сила, которой суждено примирить безбожного человека Запада и безчеловечного бога Востока, союз России и Англии, как орган христианизации Востока, Россия — единственный оплот против западно-европейской революции — вот несколько примеров того, чего больше не надо, что потерпело страшное крушение, отчего становится как-то стыдно при взгляде на Советскую Россию и на нашу собственную вину и немощь. Что же однако, спросят меня, надо? Как защищать и как осуществлять русскую идею, если ее даже и высказать нельзя? Отвечаю — высказывать русскую идею и можно, и должно, но только надо озабоченно и неустанно помнить, что такое высказывание должно заключаться в русском, т.-е. конкретном, предметном, христианском высказывании по вопросам текущей и грядущей русской жизни, а не в отвлеченных построениях русскости вообще и русских исторических задач в частности. Русскость есть качество духовности, а не исторический, политический и идеологический монтаж. Русская идея в своей проекции на действительность заключается таким образом в том, чтобы всем нам, отбиваясь от наступающей на нас в эмиграции денационализации и от цивилизаторски-идеологического варварства большевицкого марксизма, осознавая растить в себе и растя осознавать подлинную природу русской духовности и своеобразный стиль русской культуры. Основными «категориями» этой духовности в ее положительном полюсе я считаю: Лик, лицо, око, глаз, глазомыр, святость, предметность, действительность, конкретность, трезвость, собранность. Я не настаиваю на полноте моего перечисления и заранее соглашаюсь, что эта неполнота сужает, а, может быть, и искажает образ русской духовности. Но сейчас для меня важно не столько полное раскрытие образа русской духовности, сколько указание правильных путей идеологических путей этого раскрытия. Быть может, то, что я хочу сказать, будет понятнее, если я сопоставлю систему русских категорий, в которых пореволюционное движение должно, по-моему, мыслить будущее России, с системой других, назову для примера — германских категорий. Верховною категорией германски-протестантской духовности является не Божий лик, а метафизическая идея (в германской мистике — идея

безликаго Бога). Снижаясь идея превращается не в лицо чело-
вѣка (образ и подобіе Божіе), а в человѣческую мысль. На этом
пути нисхожденія абсолютнаго в относительное глаз превра-
щается в точку зрѣнія, а глазомѣр, т.-е. опыт глаза (интуиція),
в теоретическое доказательство. В духовно-практической сфе-
рѣ жизни высшею нормою германски-протестантской культуры
является не святой, а герой. Сущность святого в самопреодо-
лѣніи, сущность героя — в самоутвержденіи. Самоутвержденіе же
источник всѣх воспалительных, иллюзіонистических и утопиче-
ских процессов в жизни. Культуры, основанныя на метафизи-
ческой идеѣ и самоутверждающейся героической личности, мо-
гут быть культурами творчески весьма глубокими и богатыми,
исполненными подлиннаго прометеевскаго паѳоса, но не мо-
гут быть культурами религіозно-трезвыми и духовно предмет-
ными.

Я знаю, что все время кружу в своем отвѣтѣ вокруг одной
и той же точки и все не перехожу к тому, чего от меня ждуть
мои вопрошатели, т.-е. к указанію конкретных форм или, по
крайней мѣрѣ, основ русской пореволюціонной государствен-
ности. Надѣюсь, что послѣ всего сказаннаго такая моя медли-
тельность в переходѣ к частностям должна быть понятна. Я
увѣрен, что, по сравненію с тѣм, что мнѣ, надѣюсь, все же
удалось сказать, всѣ чисто государственныя и хозяйственно-
правовыя формы лишь производныя детали, которыя в значи-
тельной степени будут опредѣляться развитіем внѣшних собы-
тій в Россіи. Я уже писал и снова настойчиво повторяю, что
в е р х о в н а я задача пореволюціоннаго движенія не в выра-
боткѣ программ и конституцій, а в работѣ над образом поре-
волюціоннаго русскаго челоуѣка и в выработкѣ форм его кол-
лективной, в предѣлѣ соборной жизни. Это отнюдь не означает
толстовскаго нигилизма в отношеніи всѣх государственно-поли-
тических вопросов как таковых и перенесенія паѳоса жизне-
устроительства исключительно в сферу личнаго нравственнаго
самоусовершенствованія. От такой постановки вопроса я без-
конечно далек. Новоградцы всѣ скорѣе сверхсоловьевцы, чѣм
полу-толстовцы. Требованіе «оправданія добра» государственно-
ными, политическими, хозяйственными и социальными положе-

ніями и учрежденіями для нас непреложно. Это требованіе — основной паѳос пореволюціоннаго сознанія всѣх отѣнков и направлений. Если я все же говорю, что вопрос государственно-правовых и социальнo-хозяйственных форм — вопрос вторичный и производный, то я этим хочу сказать лишь то, что в каждую минуту историческаго развитія должны утверждаться тѣ формы политической жизни, которыя несут в себѣ гарантію максимальнаго «оправданія добра». Русская идея, как идея религіозная, а тѣм самым и конкретная, несовмѣстима с отвлеченно идеологическим доктринерством. Такое доктринерство было самою большою ошибкою дореволюціонной интеллигенціи. В этом отношеніи от пореволюціоннаго сознанія требуется коренная перемѣна духовной установки. Как христіанская этика личной сферы есть этика совѣта, а не этика закона, так и общественная этика христіанства требует, чтобы общественно-политическая жизнь, была заботливо, внимательно и осмотрительно у думана.

Защита во что бы то ни стало раз навсегда утвержденных принципов такому удумыванію может только мѣшать.

Политическою формою, в которой наиболѣе легко будет удумать русскую жизнь, согласно русской идеѣ, мнѣ на ближайшее послѣ паденія или низверженія большевиков время представляется республика с очень сильной президентской властью. Президент выбирается всенародным голосованіем на пятилѣтній срок. На этот срок он получает диктаторскія полномочія. Назначаемый им совѣтъ министров не требует утвержденія со стороны высшаго органа народнаго представительства. Вся полнота отвѣтственности падает на президента.

Высшій орган народнаго представительства — назовем его «совѣтом совѣтов» (вопроса его избранія и состава не касаюсь), — организующій и выборы президента, в переходный період имѣет только совѣщательный, но не законодательный голос. Государственная власть гарантирует ему свободу совѣсти и слова. Смысл его періодических, не слишком частых собраний — всестороннее освѣщеніе дѣятельности правительства, предупрежденіе президента и совѣта министров от ложных ша-

гов и подготовленіе общественнаго мнѣнія к выборам новаго президента.

Поскольку в основу будущей Россіи должны будут лечь, с одной стороны, свободно выбранные совѣты, а с другой — сильная президентская власть, его можно охарактеризовать как строй авторитарной демократіи. Слово демократія должно получить в пореволюціонной Россіи новый, металлическій звук. Пореволюціонному поколѣнію необходимо сердцем продумать и жизнью понять, что идея подлиннаго народоправства сводится всего только к двум положеніям: во-первых, к утверженію абсолютной цѣнности всякой человеческой личности, которая, принадлежа Богу (так аргументировал еще в 1687 году Локк), а не себѣ, может лишь делегировать свои права другому человѣку, но не может отдать себя в его полное распоряженіе; а, во-вторых, к утверженію народа не как атомизированнаго коллектива, а как соборной личности, т.-е. как коллектива, собраннаго в живую личность Божьим замыслом о нем. Я очень хорошо понимаю, что такое ощущеніе демократіи чуждо как безпозвоночному европейскому демократу-парламентарію, не помнящему в своей душѣ религиозных корней своего собственнаго ученія, так и жестоковыйному фашисту, склонному к цезаристскому обожествленію диктатора; но я увѣрен, что оно лишь по недоразумѣнію может отрицаться русским религиозно-національным пореволюціонным сознанием, исповѣдующим реальность Божьяго лика, лицо человеческое, как образ и подобіе Божіе, и соборность, как внутреннюю сущность и истину всѣх коллективных форм человеческого общества. Я увѣрен, что внѣ формы авторитарной демократіи русская идея неосуществима. Всякій героическій цезаризм и исторически и мистически абсолютно чужд Россіи.

Само собою разумѣется, что при таком пониманіи демократіи не может быть и мысли о допущеніи демократической борьбы против демократіи. Пореволюціонная авторитарная демократія и может и должна быть лишь демократіей для демократов. Против ханжества своих врагов ей приличествуют всѣ формы дѣйственной самообороны. Нельзя забывать,

что демократія обязана защищать не только свободу мѣнія, но и власть свободы. Если эта власть не защитима словом, то ее надо защищать мечем. Это, по нашему времени, положенія элементарныя и очевидныя.

Какова должна быть проэкія русской идеи в соціально-хозяйственной области? И тут необходимо, в первую очередь, повторить уже сказанное. Самое важное — радикальный отказ от трактованія хозяйственной сферы как сферы символическаго ознаменованія какого бы то ни было общаго міросозерцанія, какой бы то ни было идеологіи. От такого, пусть безсознательнаго, пониманія хозяйства и такого отношенія к нему большевиков гибнет сейчас Совѣтская Россія. Такая же мертво-отвлеченная идеологія «святой собственности» мѣшает и Западной Европѣ выбратъся на новый путь. Ни коллектив, ни собственность сами по себѣ не святы и не цѣнны. Смысл хозяйства прост и ясен. Внѣшній, первичный смысл его заключается в том, чтобы устроить человѣка на землѣ, чтобы укрыть, обути, одѣть, согрѣть, напоить, накормить и защитить его от всяких неожиданностей и опасностей; далѣе, смысл хозяйства заключается в созданіи того экономическаго избытка, который дал бы возможность обществу и государству пробудить и удовлетворить культурныя потребности человѣка. К этому первичному и ясному смыслу хозяйства надо однако присоединить еще второй, болѣе глубокой и сокровенный. Раціональное хозяйствованіе только тогда праведно, когда хозяйственный труд не расхищает, а строит как душу трудящагося человѣка, так и образ преображаемой трудом земли. Праведен всякій труд только тающимся в нем творчеством. Сущность же творчества в раскрытіи личности творца на путях оличенія обрабатываемаго матеріала. Такія мысли не раз высказывались религіозными мыслителями и древних и новѣйших времен. Не надо однако думать, что религіозность или «мистичность» мысли означает ея непримиримость с жизнью, или хотя бы только далекость от нея. Как раз наоборот: чѣм религіознѣе мысль, тѣм она в сущности ближе дѣйствительности. На примѣрѣ исторіи нѣмецкаго законодательства об охранѣ природы (Naturschutzgesetz) можно, к слову сказать, очень наглядно прослѣдить хозяйствен-

ный смысл мистически-религиозных положений. Так опыт насаждения лѣсов, с чисто экономических точек зрѣнія, оказался экономически невыгодным. Сосновые, еловые, как и всѣ остальные виды не смѣшанных, т.-е. противоприродных лѣсов оказались под бойкотом пернатого населенія и никакими искусственными средствами не защитимыми от паразитов. Сейчас лѣсничества мучаются над искусственным насаженіем естественных, т.-е. природных лѣсов, дабы повысить доходность лѣсоводства. В том же направленіи движутся современные изслѣдованія о недостаточности специализма для успѣшнаго разрѣшенія экономических проблем. Специалисты всюду необходимы, но в сущности лишь в качествѣ одушевленных вещей, машин. Во главѣ же больших предприятий, в частности в Америкѣ, стоят специалисты по широкому кругозору жизни, знатоки людей с хорошим глазомѣром и жизненным опытом, т.-е. личности.

Говорю обо всем этом мимоходом и, конечно, лишь приблизительно, с единственною цѣлью показать, откуда, по моему, пореволюціонное сознание должно подходить к разрѣшенію экономических вопросов.

Основной вопрос: возвращаться ли к единоличной собственности, или продолжать линію коллективизаціи, оставаться ли при плановом и огосударствленном хозяйствѣ, или возвращаться к анархизму капиталистическаго производства, сам по себѣ неразрѣшим. Надо будет дѣлать то, что будет по силам трудящемуся русскому человѣку, что окажется на уровнѣ его духовныхъ возможностей, на путяхъ к созданію его внутренней личности. Никакого объективнаго соціально-хозяйственнаго безумія в большевицкихъ планово-коллективистическихъ идеяхъ и затѣяхъ нѣтъ. Все безуміе заключается только в том, что эти планы осуществляются не в порядкѣ вольно-трудоваго взращенія высшаго типа человѣческой личности, а в порядкѣ насильническаго разрушенія исторически выросшей личности, русскаго крестьянина. Если бы субъектъ совѣтскаго колхоза был соборною личностью, хотя бы в самой обмірщенной формѣ, т.-е. просто-напросто трудоваю артелью, в которую каждый членъ вступал бы по своей доброй волѣ, т.-е. по вольному усмотрѣнію подлиннаго добра в кол-

лективном трудѣ, то все было бы, если и не в порядкѣ, то все же на пути к возможному порядку.

Из этого слѣдует, что идея личности, как в антропологической, так и социологической проеціях русской религиозной идеи отнюдь не совпадает с идеей индивидуализма. Наоборот, индивидуализм, расцвѣтъ котораго начинается в Западной Европѣ с эпохи Возрожденія, скорѣе враждебен христіанской идеѣ личности, чѣм созвучен ей. Конечно, и отдѣльныя человѣческія особи могут быть гнѣздилищами религиознаго начала личности (за послѣднія столѣтія онѣ только ими и были), но в такой же, если не в еще большей степени могут ими быть коллективы всѣх ступеней и направленій. Не подлежит никакому сомнѣнію, что мы приближается к эпохѣ, стремящейся к расторженію старой связи личности и индивидуума и к осуществленію новой связи личности и коллектива.

Россія может и должна стать во главѣ этого мірового процесса, хозяйственный аспект котораго мы называем социализмом. Смысл и правда социалистическаго коллективизма и социалистической плановости не могут заключаться ни в чем ином, кромѣ как в освобожденіи религиознаго начала личности изъ тисков своекорыстнаго индивидуализма. В этом смыслѣ вѣрно положеніе, что христіанская душа по природѣ социалистична и что хозяйственной проеціей русской идеи должен быть потому признан социализм, а не капитализм.

Я вполне понимаю, что многим представителям пореволюціоннаго теченія, видящим цѣль своей жизни в борьбѣ с большевизмом, слово «социализм» непріятно, и что они стремятся замѣнить его каким-либо другим, напримѣр, трудовизм. О словах можно, конечно, не спорить, хотя я лично думаю, что отказываться от традиціонных словесных ознаменованій опредѣленных духовных устремленій на том основаніи, что они были преданы жизнью, неправильно. Если руководиться такими соображеніями, то надо будет по примѣру нѣкоторых радикальных протестантских теченій отказаться и от таких слов, как догмат, церковь, таинство, на том основаніи, что они скомпрометированы реакціонным клерикализмом. Но, повторяю, — спорить о словах не буду. Скажу только, что слово трудовизм

представляется мнѣ на том основаніи недостаточным, что оно ничего не говорит о субъектах труда и о формах его осуществленія. Трудовизмом можно назвать и нравственный паѳос Толстого, и трудовой аскетизм пуританскаго предпринимательства. Слово же «соціализм» сложнѣе, но и точнѣе. Оно означает и труд, и устремленіе коллективнаго труда к соборной личности. Но, конечно, — чтобы слышать так, надо совершенно непосредственно ощущать, что большевицкій марксизм, этот отработанный пар капитализма, имѣет очень мало общаго с соціализмом.

Вот все, что могу в кратком письмѣ сказать о проэкции русской идеи на государственную и соціальную дѣйствительность пореволюціонной Россіи. В дальнѣйшем постараюсь дать анализ русских пореволюціонных теченій с высказанной мною точки зрѣнія на идею Россіи и возможныя формы ея историческаго воплощенія.

Федор Степун.